

Первая волна снега обрушилась на Ецзин в начале зимы третьего года существования Юаньси. Белые хлопья, словно пух, падали на землю, засыпая капельки крови. По улице торопливо пронеслась карета, потревожив спокойно лежащий снег.

Дремлющий город разбудил мужской крик на улице:

- Быстрее! Давай быстрее!

Глаза Сяо Чжигэ были красными, когда он обнимал ослабшего человека.

- Не бойся, я отвезу тебя обратно во дворец. Все будет хорошо... - Голос мужчины понизился до мягкого шепота, не желая тревожить человека в объятиях.

Человек в его объятиях был красивым мужчиной, одетым в золотую мантию и белую нефритовую корону, украшавшую волосы. Его продолговатые брови обрамляли глаза, похожие на взор феникса. У мужчины был высокий нос и сочные розовые губы. В уголке левого глаза виднелась маленькая слезинка-родинка, добавлявшая нежности и без того ошеломительно прекрасному лицу. Если бы он не был в изнуренном состоянии, и у него изо рта не стекала кровь, этот человек мог бы разбить множество сердец.

- Ваше Величество...

Длинные ресницы задрожали, когда Ан Чан Цин попытался открыть глаза и приоткрыл рот, чтобы заговорить. Первым, что он увидел, был испуганный взгляд Сяо Чжигэ.

Он был немного смущен. Они женаты уже десять лет, но никогда не были близки. Сяо Чжигэ не интересовался его согласием, прежде чем просить разрешения на их брак у вдовствующей императрицы. Ан Чан Цин был полон страха и отторжения по отношению к Сяо Чжигэ и поэтому они так и не сблизились, оставшись чужими.

Сяо Чжигэ не стал принуждать к близости, видя его нежелание. На протяжении многих лет проживания в особняке Ванг у каждого из них была своя собственная жизнь. Позже, когда Сяо Чжигэ взошел на трон, они сменили место жительства, но продолжали существовать каждый сам по себе.

Это был первый раз, когда они были так близки. Хотя их отношения никогда не были теплыми, Ан Чан Цин мог сказать, что тревога в глазах Сяо Чжигэ была искренней. Он подумал, что все-таки не все слухи за пределами дворца были правдивыми.

- Чан Цин... - Сяо Чжигэ посмотрел ему в глаза, но голос дрожал, - Тебе больно?

Ань Чан Цин хотел покачать головой, но его внутренности внезапно взорвались дикой болью, словно кто-то вонзил нож глубоко в органы.

- Это больно... - Ан Чан Цин корчился от боли. Он стиснул зубы, но кровь продолжала хлестать сквозь плотно сжатые губы.

Сяо Чжигэ крепче обнял его. Он хотел помочь, но ничего не мог сделать. Он гладил его по волосам и мягко успокаивал, снова и снова повторяя:

- Мы почти добрались, мы почти добрались...

Звук подков быстро скачущих лошадей пронесся через дворцовые ворота и направился прямо к дворцу Циу.

Более десяти имперских лекарей стояли на коленях у входа в зал. Сяо Чжигэ внес мужчину внутрь на руках и осторожно положил на кровать. Лекари не смели издать ни звука. Они могли только по очереди проверять его пульс.

Ан Чан Цин лежал с закрытыми глазами. Пот стекал по его лбу, а кровь, которая просачивалась сквозь губы, текла так сильно, что одного платка не хватило бы, чтобы вытереть ее, и она постепенно окрашивала одежду в красный цвет.

Имперские лекари молча переглядывались, закончив осмотр. Наконец все опустили на колени, и седовласый лекарь дрожащим голосом произнес:

- Ваше Величество, простите нашу некомпетентность!

Одним словом, его конец был предрешен.

- Какой толк держать вас - кучу отбросов?! - С этими словами Сяо Чжигэ пнул старого лекаря в грудь.

Он всегда отличался вспыльчивым нравом. И сейчас не смог сдержать силу, обретенную в многолетних тренировках: этот удар отбросил старого лекаря на несколько футов. Старик закашлялся кровью, которую не успел вытереть, прежде чем снова опустился на колени и взмолился:

- Ваше Величество, пожалуйста, смилуйтесь!

- Ваше Величество, пожалуйста, пощадите нас! - Другие лекари низко кланялись и хором просили пощады.

Сяо Чжигэ тяжело дышал, как будто что-то вот-вот должно было сломаться в его голове. Он сумел сдержать свой гнев и бросил безжалостный взгляд на группу придворных лекарей:

- Если вы не сможете спасти его, то все вы будете похоронены вместе с Императрицей\*!

(Прим.: \*Да-да, Ан Чан Цин - императрица, хоть и парень, но он был выдан замуж за императора, поэтому фактически является императрицей.)

Ан Чан Цин очнулся от громких криков. Он открыл глаза в оцепенении и почувствовал, что мучившая его боль прошла. Его тело было легким, как воздух, словно он мог уплыть в любую минуту.

Пока он думал об этом, его тело поднялось и поплыло к двери. У подножия лестницы все евнухи и служанки дворца Циу стояли на коленях и молили о пощаде во весь голос. На их лицах были написаны страх и страдание.

Сяо Чжигэ надел ярко-золотую драконью мантию с драконьей короной. Он стоял один на верхней площадке лестницы со свирепым выражением в глазах. Странно было то, что Ан Чан Цин всегда боялся его и избегал любой ценой, но, глядя на него сейчас, чувствовал, что под жестокой внешностью этого человека скрывалось много подавленных эмоций. Эмоций, которые он еще не понимал.

Ан Чан Цин наблюдал за ним некоторое время, пока не было объявлено о прибытии семьи Ан. Когда он увидел, что их сопровождают солдаты, то частично догадался о намерениях Сяо Чжигэ.

Вчера его отцу, премьер-министру Империи Да Е, исполнилось 65 лет. Был устроен грандиозный банкет, на котором присутствовали Сяо Чжигэ и он сам. Однако это оказалось неожиданной ловушкой, которую устроил его отец, сговорившись с бывшим наследным принцем, чтобы убить их обоих.

Сяо Чжигэ удалось избежать нападения, но Чан Цин был поражен отравленным вином. К сожалению, яд успел подействовать прежде, чем восстание удалось подавить. Глядя на свои полупрозрачные руки, Ан Чан Цин усмехнулся, более не испытывая никакой давней привязанности к семье Ан.

В этот день кровь текла рекой перед дворцом Циу. Более пятидесяти членов семьи Ан были обезглавлены десятью опытными палачами. Их кровь растеклась по земле в одну большую лужу, наполняя воздух резким металлическим запахом. Дворцовые слуги, которые все еще стояли на коленях, не смели пошевелиться, даже когда под их коленями растеклась кровь, насквозь пропитав одежды.